

«...Плевать с двадцатой вышки», или Улыбка Ангела

Ирина ШАТЫРЕНОК,
член Союза писателей
Беларуси

Рубеж XX–XXI веков ознаменован в нашей литературе появлением «женской» книги. На волю вдруг вырвался, выплеснулся неожиданный, порой парадоксальный взгляд на все – на бытие, мужчин, женскую долю... Одновременно приоткрылось много тайного и ранее запретного под названием «женская душа». Иногда, читая те откровения, тот взрыв эмоций, я содрогалась, думала: а может, все зря? Кому нужна эта боль разбитого сердца – она так невыносима, так ранит. Да и не все готовы принять открывшиеся глубины и заглянуть в манящее зазеркалье.

Но процесс пошел. Оживилась не только читательская аудитория, но и критика. Возникли новые термины «женская проза», «женская литература». Хотя по мне – существует просто Литература. И никакие деления ей не нужны.

Белорусская литература (вне зависимости от языка изложения) имеет довольно значительное «женское представительство» – С. Алексиевич, А. Браво, Н. Батракова, Е. Попова, Т. Лисицкая, Т. Мушинская, Г. Василевская, В. Кадетова, Э. Дудюк, Н. Костюченко, Л. Богданова, Р. Дейкун, Л. Кебич... И у каждой из этих писательниц своя ниша, свой уровень, как и вклад, который они вносят в современную литературу.

Попала недавно в поле моего зрения повесть Людмилы Кебич «Сама, сама, сама, сама, сама...» («Польмя», № 9, 2013). Автор знакомит читателей с тремя супружескими парами, нет, скорее главными героинями – Аленой, Миланой, Ирмой. Три современ-

ные женщины дружны между собой. Что же их объединяет? Главное – все три несчастны со своими мужьями, каждая по-своему, отсюда все их разговоры – о мужьях, отсутствии любви, понимания. Все на грани развода. Разлад в отношениях произошел давно, осталась только внешняя видимость семьи.

Сама по себе тема интересная, но как справилась с ней автор?

Когда читала повесть, все время казалось, что меня водят за нос, «гримируют» главных героинь, обильно присыпая их истинное лицо авторской пудрой. И Л. Кебич понять можно. Она из лучших побуждений пожелала заявить об идеальных женщинах, но они сами, не спросив у автора, стали жить, общаться, вести себя так, как им удобно и привычно. Тем самым нарушая авторское желание и декларативность.

И рада бы поверить автору, но вот сама «женская» тема в повести – а это манера разговора, ментальность, культура языка, поведение, образ жизни и мыслей персонажей – подтверждают обратное.

Но обратимся непосредственно к тексту. Как звучат, для примера, авторские характеристики, и сравним их с возникшими образами. «У працоўным калектыве яе (Алену) вельмі шанавалі і любілі... І ўсім яна давала слухныя парады, дапамагала, чым магла, ад душы. І душа ў Алены Мікалаеўны сапраўды была цёплая, шчырая і адкрытая. Усмешка – яскравая, ветлівая, вочы – само сонечнае ззянне. ...Алену распірала, але яна

ОБ АВТОРЕ

ШАТЫРЕНОК Ирина Сергеевна.

Родилась в г. Молодечно Минской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета (1980). Работала в СМИ Смоленской области и Гродно. С 1994 года – директор Гродненского информационно-рекламного агентства.

Член Союза писателей Беларуси (2009), член Белорусского союза журналистов (2014).

Автор более 10 книг, в том числе двух сборников публицистики и литературной критики.

Сфера интересов: проблемы современной литературы, современной критики, история Западной Беларуси.

ж псіхалаг, яна прызвычайлася, што павінна быць стрыманай...

...у каледж увайшла іншая Алена, прывабная, светлая, гарманічная маладая жанчына з вачыма і ўсмешкай Анёла».

Стилистика образа героини напоминает производственную положительную характеристику. Но при чем здесь художественное произведение?! Авторское желаемое – идеально, потому и картонно.

Диалоги подтверждают другое.

«А мой... Здаецца, часам, хай бы хоць налева схадзіў, можа б, хоць якія-небудзь эмоцыі на твары адбіліся, а то замест твару – шыльда мармуровая! ...Бо твой Рыгор-багор нікуды не дзенецца, пабегае-пабегае і вернецца. І зноў пабяжыць, таму што жонка за гэты час хворая, старая і страшная зробіцца, яго, кабяля, аплакаваючы.»

«Ён жлоб вышэйшай катэгорыі. Нават загуляць не змог па-чалавечы!... Звер нейкі, кат! Мянцярэ пракляты!...»

– Я і сказала, а ён нахабна засмяўся і злосна крыкнуў «Не, сцэрва, будзеш пакутаваць, але будзе так, як хачу я!»

Между собой женщины делятся своими проблемами.

– Не той гэта чалавек, зразумей, Міланачка, з-за якога ты павінна сябе забіваць. Ён зайздросціць табе чорнай зайздросцю, бо ты абагнала яго на дзве галавы. Вунь, можа, хутка журналістам станеш, – такія артыкулы пішаш!»

«І патрэбны быў толькі час, каб залячыць кровававы рубцы, нанесеныя на яе жаночае сэрца грубым, абьякавым і таўстаскурым мужланам – яе мужам».

Натуральность, не выправленная авторской рукой, так сказать, живое естество, их плоть и кровь выпирает из текста. Ангелов в жизни нет, а есть обыкновенные женщины, они скорее похожи на знакомых всем теток на лавочках у подъезда дома, любят они почесать языками о своих мучьях.

Пустая болтовня про еду, перечисление всех мелких хозяйских дел – подробно, в деталях, как все и случается в жизни, и от того скука зверская. «...Літаральна ўляцела ў хату. Пераапрунулася, распытала сына Рамана пра школьныя поспехі, пра тое, што зададзена і чым ён займаўся.. Алена дастала з пакета прадукты, паклала іх на стол. Затым пачала варыць суп... Сумна

ПРОЗА

Людміла КЕБІЧ

**САМА, САМА, САМА,
САМА, САМА...**

Аповесць

Замест прадмовы

Пытанне, за каго з двух прэтэндэнтаў на руку і сэрца выходзіць замуж, дачка маёй сяброўкі вырашыла імгненна. І абрала Вадзіма — мілавіднага, чарнавокага, цёмнавалосага хлопца, сумленнага, шчырага, добра выхаванага.

Валодзя быў поўнай яго супрацьлегласцю. Высокі, складны, светлавой бландзін, ён нагадваў лонданскага дэндзі і побач з дзяўчынай — разумніцай і прыгажуняй — выглядаў вельмі гарманічна.

Калі маі асяярожна пачала размову з дачкою пра гэта, жадаючы прадухіліць жыццёвую памылку, дзяўчына адказала так, што не толькі здзівіла матулю, але вымусіла надоўга задумацца, азірнуцца на сябе і сваіх сябровак-каляжанак, на нашы сямейна-шлюбныя адносіны, наогул.

Што адказала дачка маёй сяброўкі? А вось што... Але не, не скажу. Думаю, вы здагадацеся самі, прачытаўшы гэтую жаночую аповесць, якую я нарэшце наважылася распачаць, успомніўшы той даўні аповед сваёй сяброўкі, а таксама шмат эпизодаў і жыццёвых гісторый маіх знаёмых жанчын. Я ўвасобіла іх у гераніях гэтай аповесці. Папярэджаю, што яны, мае герані, не канкрэтныя асобы, а вобразы, у якіх я пастаралася адлюстраваць тыповыя рысы паводзін і абставін жыцця ўсіх жанчын, якія замужам (або былі) за мужчынамі, народжанымі пад пэўным задьякальным знакам.

Кебіч (Вайтулевіч) Людміла Антонаўна нарадзілася 17 ліпеня 1951 года ў гарадскім пасёлку Краснасельскі Ваўкавыскага раёна Гродзенскай вобласці. Скончыла аддзяленне тэорыі музыкі Маладзечанскага музычнага вучылішча (1971), філалагічны факультэт Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы (1981). Працавала выкладчыкам музычна-тэарэтычных дысцыплін у Гродзенскім дзяржаўным каледжы мастацтваў. Цяпер — старшыня Гродзенскага абласнога аддзялення Саюза пісьменнікаў Беларусі.

Аўтар паэтычных кніг «Па музычных законах» (1996), «Зялёная рутэіца» (2001), «На беразе белай ракі» (2003), «Ключы ад Неба» (2005), «Светач мастацтва» (2008), «Непераможны колер охры» (2008) і інш.

ўстала і пайшла ў спальню. Запаліла святло на пісьмовым сталі, дастала падручнікі, што ўзяла ўчора ў бібліятэцы, і пачала настрайваць сябе на яшчэ адну справу, якую павінна была выканаць абавязкова за два вечары...».

И так страница за страницей, одно и то же день за днем, а если еще ткань текста не подпитана богатством языка, не выстроен занимательный каркас из сюжета, все поверхностно, то это уже насилие над читателем. Вопрос не праздный – кто будет читать такой выделки «прозу»? Инертного обывателя давно отвоевали телесериалы, а квалифицированному читателю здесь нечем полакомиться.

В повести вы не встретите тонкой прорисовки образов, психологизма: героини просто ходят, едят, пьют, говорят, но не выглядят от этого живыми. В их образах нет главного – их внутреннего мира, чувств, побуждений, душевного состояния. Нет повествовательных подробностей, нет образных «декораций».

Отсутствие в повести образного авторского мышления, придуманного, читай – сочиненного мира, порой даже реальнее окружающего нас, взাপравдашного – удручает.

Наш мир – повседневность и обыденность. Одному писательскому таланту под силу такая способность – прочувствовать, проникнуть, исследовать чужой мир и поделиться своими наблюдениями с читательской аудиторией. Одному писательскому таланту удастся отобразить жизнь средствами искусства, но никак не наоборот, не средствами жизни. В нашем случае литература не поднимает, не зовет, а опускает читателя.

Автор не жалеет черных красок для мужа Алены – Лявона, у того есть одна слабость – любит сладкое. Он припрятал от сына, жены для себя «клад»: «... *цэлафанавы пакет з шакаладкай, некалькімі батончыкамі халвы, цукеркамі розных марак, яблычкам, апельсінам.*

– *Во, бачыш, дупло сабе завёў, вавёр гэтакі! Ад каго хавае? Ад роднага сына і жонкі?! Тут у гаспадарцы морквы звычайнай няма, а ён на прысмакі грошы марнуе – не сунімаўся сын»* (какой хозяйственный сынок, несмотря на детский возраст).

Безразличный лежебока, инертный человек «...*Лявон, як заўсёды, ляжаў на канапе перад уключаным тэлевізарам і чытаў газету... Бацька з сынам пабіліся...*

– *Гэта ад цябе нічога добрага не пачуеш! Мацюкі адны. Мяне ўсё рабіць прымушаеш, а сам цвіка не ўмееш забіць»* (это десятилетний сын разговаривает с отцом).

Думаю, достаточно цитат. Не пора ли реабилитировать «мужское отродье», и, если это не сделала автор, придется попробовать мне.

В повести все мужчины – мужья, отцы – пропащие гуляки, эгоисты, пьяницы, равнодушные, злые, трусливые, жадные, нахальные самцы: этакая «мрачная декорация», на фоне которой женщины – жены, сестры, матери – умные, прекрасные, уважаемые

в обществе, почти небесные создания (по автору, главное достоинство – их ценят на работе).

Перед читателем не семьи, а террариумы, где мужчины – чудовищны, а женщины – невинны и жертвенны. Как-то с трудом верится в семейных монстров и агниц. Насилие над женщинами не только физическое, но и эмоциональное присутствует в полном объеме в жизни каждой женщины.

Нет, конечно, встречаются в жизни персонажи и похлеще, но у жизни свои законы, у литературы – свои. Бытописание еще не есть художественная литература. «Иллюзии» реализма здесь не получилось, но предлагается констатация – все как «в жизни». Но тем и отличается, например, преступление в жизни от преступления в литературе: в первом случае оно наказуемо уголовным кодексом, а в художественном произведении – это повод разобраться: кто мы, что мы делаем в жизни, зачем живем, почему человек в своем отчаянии доходит до преступления?

Но вернусь к повести. На ее страницах мужчинам вынесен окончательный приговор: они не в состоянии любить. Мужья терзают жен, изменяют, не считаются с их мнением, бьют, унижают тем, что они «зарабатывают» на жизнь.

Что еще характерно. Все женщины внутренне уже готовы или почти готовы к изменам своим мужьям. И, как мне кажется, не потому, что их мужья «ментяры, жлобы, козлы и мужланы». Искать причины надо прежде в собственных помыслах и поступках.

Ирма в открытую ищет съемную квартиру для встречи. «...*Мне патрэбна хата! ...Хата на гадзіны дзве-тры. Мне сустрэцца з адным чалавекам трэба... А ён – супер! Здаровы, прыгожы, моцны і пшчотны!»*

Милана уже «пасабрала» с Евгением, случайным знакомым из кафе, он на нее сразу и «запаў». События с Миланой разворачиваются стремительно. На 108-й странице читаем: «*Мне наканавана пакутаваць. Я кахаю Рыгора, – села на свой любімы жаночы мінор Мілана»*. А на 117-й уже: «*Мілана, асавелая ад віна, закускі, з'едзенай без меры, і гэтай радасці, якая нечакана звалілася на яе, разгублена мітусілася... Яна была шчаслівая, але пакуль яшчэ толькі напалу. Рыгор вострым джалам засеў у грудзях і рэзаў, і пёк пры кожным напаміне»*.

Наверное, от обжорства ей все привиделось – виза, отъезд в Швецию, неизвестно в качестве кого: о старой семье уже ни слова. Такое «счастливое завершение», прямо как в сказке или мексиканском сериале.

Характерен «невинный» поход подруг в кафе, когда к ним подсели случайные люди. *«Жанчынам карцела проста вымацюкацца і прагнаць навязлівых кампаньёнаў. ... Мабыць, такім чынам яны «здымалі» сабе «дзевак» на вечар».* Скоро здесь появится Евгений, будущий избранник, толстый кошелек, а пока пьют «шампань». У автора проходной персонаж Евгений, новый бойфренд Миланы *«буйны прадпрымальнік, хутка, сапраўды, едзе ў Швецыю... на службовых справах».*

Вопрос: когда с мужьями таких ухоженных, умных, красивых женушек с «вачыма Анёлаў» с профессиями психолога, педагога, врача произошли печальные метаморфозы, или что-то здесь не так?

Женщины в повести по сути своей – мещанки, недалекие, пустые, скорее даже жалкие, задавленные своими мужьями, такими же обывателями, недаром все вертится вокруг накрытых столов, еды, питья. Быт перепутан с бытием, похоть – с любовью, и это не фон, не декорации, это жизнь этих несчастных женщин, которую они когда-то выбрали.

В повести не стыкуются заявленное и фактическое, написанное и озвученное в диалогах. Намеков, прозрачности в столь четком повествовании нет, как и нет многоходовости, многоплановости, некой женской тайны. Все крайне плоско. Хотя, наверное, найдется потребитель такого беспомощного чтива, все те же знакомые наших Ален, Милан, Ирм с их «звероподобными» мужьями.

К сожалению, автору не удаются интимные сцены. Не всякий зрелый мастер справится со столь сложной задачей, но наш автор не отягощен легким стилем, поэтому художественность текста заменяет сексом. Как важно сохранять чувство меры, приглушенность тонов, выверенность стиля, избегать пошлости в описаниях близости между мужчиной и женщиной, оставив для читателя намек, некий флер, иначе получится неуклюжая пародия. Но у автора все по-прежнему идет от «самой жизни», чем нарушается условность художественного вымысла, который в конце концов вообще

испаряется, оставляя читателю чувство неловкости и недоумения.

Мужские измены – сколько боли и страданий принесли они женщинам. Опыт нелюбимой женщины, оставленной, брошенной, наверное, есть у многих. Задача писателя исследовать причины таких взаимоотношений, найти разгадку, понять одну и вторую сторону. Вечный вопрос: кто виноват, или все же оба? Ведь в семейной упряжке – два человека, каждый одинаково ответственен.

Но в повести мы не найдем вдумчивого и подробного изучения духовного опыта. Хочется получить ответы: когда начался разлад в семье, непонимание, предательство, первая ложь, измены? Так ли уж страшен и уродлив мужской мир?

Талантливый автор подберет художественные приемы, те краски, тот инструментарий, чтобы тщательно выписать образы, сделать их живыми, правдоподобными, узнаваемыми, заглянуть в глубину души, понять, что движет человеком и как он сложно устроен.

Наш же автор занята другим: всех мужей схематично рисует черно-белыми красками. Стилистика резкая, ультимативная, нам все время хотят доказать, что женские образы – белые, а мужские – черные. И чем больше мужья героинь виноваты, тем чернее краски, тем меньше хочется в это верить.

На мой взгляд, автор определенно задала неверный тон. Оттого в тексте столько надуманности, перекоса с мужскими персонажами, и в этом проявляется их неестественность. Чего же можно ожидать от литературных персонажей? Ничего хорошего. Насильник и ментяра Григорий, муж Миланы, в глазах подруги Алены: *«Ён хоць у пасцелі – мужык!».*

Он же для жены последний ловелас. *«Было такое ўражанне, што Рыгор з глузду з'ехаў. Такое бывае – чытала Мілана – у мужчын сярэдняга ўзросту – крызіс такі».*

– Ды які там крызіс? Распушта ён. Пінгвін у клімаксе! – заявіла сястра Міланы, даведаўшыся пра Рыгоровы лавеласаўскія паходжанні.

– А наогул, ён – жлоб вышэйшай катэгорыі».

Муж Миланы, со смелой подачи автора, только и делает, что постоянно насилует свою жену. *«Гвалтаваў, а не хахаў. А калі Мілане ўсё ж удавалася пераадолець яго, то*

з размаху біў яе па галаве і, лягнуўшы дзвяр’яма, ішоў спаць у залу на канапу». Такой свирепый деспот: «...зрабіўся ён грубым, нахабным і агрэсіўным».

«Доўгімі самотнымі начамі Мілана, чакуючы Рыгора, палала агнём, уяўляючы, як ён цяпер, яе адзіны на свеце мужчына (бо ніхто ніколі не датыкнуўся да яе пальцам, на лбе, мусіць, было напісана: **«Не падыходзь – заб’ю!»**) абдымае і мілуе іншую... Яна дакладна ведала, калі яе муж займаецца каханнем з іншай, бо прачыналася ў той самы момант ад моцнага жадання».

Авторское сочувствие, как всегда, прямолинейно – «Пакутніца. Дурная... Святая пакутніца!»

У третьей героини муж с ее слов – «...як урач-псіхіятар паставіла яму дыягназ – **параноік!**», и далее идут расхожие ярлыки, так часто встречающиеся в анекдотах: «Муж – не радня!», «Нават у юрыспрудэнцыі гэта адзначана!» – суцяшае сябе, смеючыся».

В повести много подробных описаний внешнего вида, одежды, обуви, такие брендовые детали и штучки любят в гламурных женских изданиях (реклама, знаете, обязывает). И как же мало уделяется внимания внутреннему миру героев, оттого так режут ухо разговоры наших правильных героинь. «Яны ішлі па веснавым горадзе, сярод сонечнага дня, не зважаючы на прахожых і зацікаўленья пагляды мужчын, дзве яшчэ маладыя, разумныя, адукаваныя жанчыны, апранутыя і прычэсаныя **па апошнім піску моды**».

Героини устраивают на природе девичник, пикник. «...О, што гэта быў за стол! У лепшых палацах Парыжа так не накрываюць. Звычайнай ежы, практычна, не было – адно далікатэсы!» Про Париж так пишут те, кто не ел не то что в лучших дворцах, но даже не сиживал за столиком рядового уличного кафе.

Надо признать – пошлость жизни завоевывает нашу литературу. Нас хотят убедить: привыкайте – такая литература становится жизнью. Нам предлагают пошлую литературу в упаковке глянцевого журнала. Но одно дело обличать художественными средствами тривиальность, всякую клубничку, как непревзойденно это делал в своих рассказах А. Чехов, и совсем другое тащить пошлость на страницы литературного издания.

А что случилось с людьми после А. Чехова, М. Булгакова, М. Зощенко? Их смех, ядовитая издевка, грусть-печаль, гнев над уродствами и пошлостью быта, скукой, духовной скудостью маленького человека остались излитыми на страницах их книг, а люди что? Освободились ли они от груза неистребимого мещанства, накопительства, приобретательства, стяжательства, стали лучше, духовно чище, меньше сплетничают, злословят? Ничего подобного: все по-прежнему и на своих местах.

Пошлость не исчезнет из жизни, но как ей противостоять, как не опустить в литературу и не ополщить ее?

Не отрицаю, реализм может перевернуть душу читателя, перекодировать его, потрясти нравственные основы человека, вызвав из его глубин сострадание, боль, сопереживание, бурю чувств и эмоций.

Повесть «Сама, сама, сама, сама, сама...» не может произвести такого эффекта. Не сподвигает это произведение пересмотреть жизнь, избавиться от старых долгов, переоценить какие-то жизненные установки, чтобы без сожаления расстаться со своими недостатками, неискупленными грехами и пороками, недопустимой жалостью к себе, со всем, чем правит в нашей жизни пошлость. Нет очищения, светлой печали и радости. Но всей своей мнимой правдой «как в жизни» и внутренней бедностью повествование неожиданно фокусирует духовную скудость, безнадежность будущего и отсутствие нравственного багажа у героинь.

Не верится в авторские лозунги, оторванные от реалий повести: их отрицают сами героини, как ни старается автор сделать из них святых и жертвенных овечек. По всему, прежние заповеди и семейная мораль давно устарели, если наши бабы бунтуют. Не отдавать, не жертвовать в любви, а брать, брать, брать и желательно здесь и сейчас. Появившаяся же в конце повести массажистка Вера Ивановна – самая мудрая из всех женщин, дает «самый дельный совет»: «**Жыць і цешыцца! Любіць сябе, людзей, родных і блізкіх! Рэалізавацца ў працы, у творчасці, як жанчына, як маці, як чалавек, нарэшце!.. Ана астатняе, што замінае, – пляваць з дваццатай вышкі без перадышкі!**»

Однако стоит ли нам переносить подобные отношения в творчество?.. ▀